

В.И. Мордвинцева

ПОГРЕБЕНИЯ ВАРВАРСКИХ ЭЛИТ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА РУБЕЖЕ ЭР И ИХ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Поводом к подготовке этой статьи стала новая информация о датировке Ногайчинского кургана, что уже долгое время является предметом дискуссии¹. Находка в погребении предметов, форма которых характерна для позднего эллинизма (унгвентарий, лощеный северокавказский кувшин, чаша миллефиоре, украшения и др.), а функциональное назначение некоторых из них предполагает одноразовое использование (унгвентарий), позволило датировать его временем не позже I в. до н.э. Теперь и анализ по C14, сделанный в Лаборатории радиоуглеродного датирования Лундского университета, Швеция, и в Курт-Энгельхольм-Центре Археометрии, Германия, подтверждает эту дату².

К моменту первых публикаций имелось уже достаточно данных для того, чтобы отнести этот комплекс к периоду позднего эллинизма. Однако он был все же датирован второй половиной I – началом II вв. н.э.³, и эта дата до сих пор фигурирует в академической литературе⁴. Это заставляет задуматься о причинах, по которым психологически трудно согласиться с более ранней датировкой Ногайчинского кургана. Видимо, это связано с тем, какое место этот комплекс занимает в общей концепции сарматской культуры, сложившейся в 80–90-е гг. XX в. под влиянием идей М.И. Ростовцева.

Суть его исторической модели состоит в том, что в степи Северного Причерноморья с Востока периодически продвигались новые группы кочевников иранского происхождения. Это продвижение маркируют определенные категории предметов материальной культуры, обнару-

¹ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993; Ščepinskij A.A. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // Zeitschrift für Archäologie. 1994. Bd. 28; Treister M.Y. Concerning the Jewellery Items from the Burial-Mound at Nogajchik // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1997. Vol. 4; Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3; Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской. Симферополь, 2007.

² Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Хельстрем К., в печати.

³ Симоненко А.В. Указ. соч. С. 117.

⁴ Simonenko A. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Mainz, 2008. Bd. 25. S. 14.

женные в погребениях элиты (серебряные фалары, полихромные фибулы-броши, предметы звериного стиля)⁵.

Эту историческую модель в 1940–1950-е годы сменила концепция Рау – Гракова – Смирнова, согласно которой родиной сарматов были степи Поволжья – Приуралья⁶. Обработка накопленного к тому времени массового археологического материала и его использование в исторических реконструкциях породили представление об «этнографическом комплексе» сарматской культуры⁷. Обнаружение какой-либо из его составляющих (например, южная ориентировка, диагональный обряд погребения, подбойно-катакомбные могилы, круглодонная керамика и пр.) на другой территории, расценивалось как признак «сарматизации» этого региона, т.е. физического присутствия здесь «носителей» археологической культуры Поволжья – Приуралья. Аналогичный метод применял и М.И. Ростовцев. В данном случае в качестве «этноопределяющих» нами использовались признаки массовой культуры, а не элитных комплексов.

Открытие в 1979 г. царских погребений в Северном Афганистане (Тилля-тепе), где было найдено множество золотых украшений с полихромными вставками и изображениями животных, привело к возрождению основных положений исторической модели М.И. Ростовцева. Появились работы, посвященные предметам «сарматского звериного стиля» и интерпретации комплексов, в которых они были найдены⁸. Наиболее последовательно новая концепция изложена в книге Б.А. Раева по римским импортам в погребениях Нижнего Дона⁹.

Согласно его точке зрения, погребальные комплексы сарматской элиты появляются на Нижнем Дону внезапно, не ранее середины I в. н.э.¹⁰ Аналогичные погребения в Поволжье он отнес, без подробного анализа, к несколько более раннему времени, а комплексы с территории Украины и Молдавии – к несколько более позднему¹¹. По мнению Б.А. Раева, содержимое всех этих могил гомогенно. В них похоронены

⁵ *Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929. P. 45, 67–68, 93–94.

⁶ *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 4. Heft 1. Pokrowsk, 1929; *Граков Б.Н.* Глинянократоуцевои: пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3; *Смирнов К.Ф.* Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 3. С. 18; *он же.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 287–288.

⁷ *Смирнов К.Ф.* Савроматы... С. 191, 196.

⁸ *Засецкая И.П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1; *она же.* Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3; *Раев Б.А.* Пазырык и «Хохлач» - некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов конференции. Кемерово, 1984; *Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxf., 1986.

⁹ *Raev B.A.* Op. cit.

¹⁰ *Ibid.* P. 56, 58.

¹¹ *Ibid.* P. 58.

представители знати одного кочевого племени, которое жило в начале н.э. в степях к востоку от Волги, а затем продвинулось сначала в степи к северу от Кавказа, а затем на Нижний Дон. В I в. н.э. таким племенем могли быть только аланы, прибывшие в Северное Причерноморье из глубин Азии. Появление богатых могил на Нижнем Дону в середине I в. н.э. совпадает со сведениями античных авторов об аланах в причерноморских степях, наиболее ранние из которых относятся к третьей четверти I в. н.э.¹² В предыдущий период ни на Нижнем Дону, ни в каком-либо другом районе, связанном с сарматами, безусловно, не было аналогичных памятников¹³. Именно с появлением аланов в степях Восточной Европы распространяются римские и провинциально-римские импорты. Поскольку на Боспоре и в других понтийских городах, которые играли роль посредников в торговле с варварами, не найдено дорогой серебряной и бронзовой посуды, значит, имели место прямые контакты сарматов с римлянами, а это могло произойти только после середины I в. н.э., когда Римская империя начинает проводить активную политику в северопричерноморском регионе. С другими кочевыми племенами (аорсами) у Рима были дружественные отношения, поэтому не имело смысла дарить им дорогие подарки, аланы же всегда рассматривались как враги империи, что требовало подкупа их вождей¹⁴.

Эта историческая схема была поддержана и развита многими исследователями, выдвигались дополнительные аргументы в подтверждение связи всех элитных погребений Северного Причерноморья с аланами¹⁵. В частности, А.С. Скрипкин высказал утверждение, что в I в. н.э. в степях Восточной Европы впервые появляются женские захоронения высокого социального статуса, аналогичные обнаруженным в некрополе Тилля-тепе¹⁶, а это может означать «возрождение гинекократических черт, которыми античные авторы наделяли савроматское и массагетское общество»¹⁷.

¹² *Raev B.A.* Op. cit. P. 59.

¹³ *Ibid.* P. 63.

¹⁴ *Ibid.* P. 65–66.

¹⁵ *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 206–209; *он же.* Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997. С. 23–24; *Ждановский А.М.* К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье – Поволжье – Средняя Азия) // *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье.* Новочеркасск, 1987; *Максименко В.Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // *Донские древности.* Азов, 1998. Вып. 6; *Симоненко А.В.* Латенский и римский импорт в сарматских погребениях Северного Причерноморья // *Античная цивилизация и варварский мир.* Краснодар, 2002; *Simonenko A.V.* Op. cit. S. 11, 50; *Marčenko I., Limberis N.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban.* Mainz, 2008. S. 324–326.

¹⁶ *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия... С. 209, 215; *он же.* Этюды... С. 24, 71, 93.

¹⁷ *Он же.* Этюды... С. 24.

Следуя изложенной исторической модели, Ногайчинский курган должен быть отнесен к концу I – началу II в. н.э. Комплекс обнаружен юго-западнее Нижнего Дона, значит, датируется несколько позже донских памятников. Это богатое женское погребение, здесь найдены предметы звериного стиля, следовательно, он аланский.

Важным положительным результатом этих работ является констатация внезапного появления сходных по составу погребального инвентаря комплексов элиты на довольно обширной территории, а также выделение группы общих для них признаков, а именно наличие посуды римского и провинциально-римского производства и импортов восточного происхождения. В то же время, соотнесение всех этих памятников с одним определенным этносом (аланы) – лишь один из возможных вариантов интерпретации данной выборки элитных погребений, слабо обеспеченный доказательной базой. Это очевидно, если обратиться к содержанию понятия «этнос» и выражению «этнического» в материальной культуре.

1. Этнос, групповая идентичность и материальная культура

Этнос – одна из форм самоидентификации групп людей, причем далеко не единственная. В греческом языке, со времен Аристотеля, «τὰ ἔθνη», изначально применяемое к объединенной по какому-либо признаку группе людей или животных, в одном из значений стало употребляться по отношению к не-эллинам, и служить, таким образом, для определения групп людей, отличающихся от «своих». В латинском языке слово «*natio*» также обозначало «другой» народ в отличие от «*populus*», народа Рима¹⁸. Большая часть ранних эндоэтнонимов (самоназваний) групп людей переводится как «люди» или «настоящие люди»¹⁹, что служит для отграничения этой группы от других человеческих сообществ. Используемый же в современной академической литературе термин «этнос» является сравнительно поздним смысловым конструктом, отчасти навязываемым исторической реальности, и созданным с целью классификации групп людей, признающих общность своего происхождения и обладающих комплексом сходных черт в культуре²⁰. Этнос в современном понимании данного термина – это «воображаемое сообщество»²¹, продукт индустриального общества, по-

¹⁸ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 97–98.

¹⁹ Там же. С. 63.

²⁰ В настоящее время в отечественной этнологической литературе существуют два основных подхода к определению понятия «этнос»: этногенетический – этнос как «исторически сложившаяся устойчивая общность людей» (Брамлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Козлов В.И. Этнос // Этнические и этно-социальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1995. Вып. 6. С. 152–155) и конструктивистский – этническая группа как «общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях» (Тишков В.А. Указ. соч. С. 115).

²¹ По определению Б. Андерсона, «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и

родившего такие институты как перепись населения, карта и музей²², целью которых, в конечном счете, является экономическая (сбор налогов и пр.) и политическая выгода для государства.

По мотиву формирования групповых идентичностей можно выделить биологические (гендерные, расовые), социальные (родственные, половозрастные, религиозно-мировоззренческие, лингвистические, этнические, сословно-кастовые, производственные и др.), географические (территориальные, ландшафтные). В любом из перечисленных вариантов имеет место самоидентификация группы людей, прежде всего на основе констатации ее не-сходства с другими группами. Эти групповые идентичности, по длительности их функционирования, могут быть постоянными (т.е. действующими в течение всей жизни входящего в них индивида, как например гендерная группа или группа сверстников), временными (объединение на период боевых действий против общего врага, на время праздника и пр.), и ситуативными/случайными. При этом идентичность может быть реализованной (осознаваемой), а может быть и потенциальной, когда признаки, объединяющие группу людей, еще не осознаны ее потенциальными членами, но при определенных условиях это единство может обрести смысл и превратиться в реальность. Такое явление может проявляться, например, при классификации групп людей исследующим их посторонним наблюдателем. Поведение отдельного человека, как субъекта, принадлежащего одновременно к разным группам (этнической, социальной, политической, религиозной и пр.), – ситуативно, и в каждом конкретном случае определяется в гармонии с принятыми в данном обществе этическими нормами и личной выгодой.

Конкретное объединение людей, вне зависимости от того, осознают они свое единство или нет, может быть отражено в виде общих элементов в материальной культуре. Материальная культура в этнографической литературе понимается как совокупность всех созданных человеческим трудом материальных предметов конкретного общества в их функциональной взаимосвязи, и рассматривается как механизм адаптации социума к условиям природной и социальной среды его существования²³. Материальная культура обществ прошлого представлена в археологических остатках фрагментарно, в силу частичной ее утраты и/или эволюции как в физическом, так и в метафизическом смысле²⁴. Поэтому соотнесение материальных остатков культур прошлого с определенным типом человеческих сообществ вызывает сложности. В меньшей степени это касается хозяйственно-культурных типов, которые тесно связаны с ландшафтом и другими

они), – воображаемые» (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 31).

²² Андерсон Б. Указ. соч. С. 180.

²³ Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. Вып. 3. С. 5–6.

²⁴ Клейн А.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. 1986. № 3. С. 211.

естественными условиями проживания людских коллективов (климат, наличие полезных ископаемых и др.). В большей степени проблематична этническая атрибуция конкретных археологических реалий, поскольку суть этнических различий находится в сфере ментального, а не материального. Известны случаи, например, на Кавказе, когда человеческие сообщества, обладающие одинаковой материальной культурой, сходным фенотипом, проживающие на одной территории считают себя разными этносами (языковые различия, при отсутствии собственной письменности, не оставляют материальных остатков и не могут в силу этого приниматься в расчет при сравнении археологических памятников).

На определенных стадиях развития общества различные идентичности приобретают особое значение. Если в первобытной общине ключевую роль играли половозрастные и территориальные различия, то в иерархических обществах постпервобытной и предгосударственной стадий большое значение приобретают сословно-классовые и религиозно-мировоззренческие группы. При этом очевидно, что чем выше уровень сложности общества, тем больше в его культуре проявляется разнообразных групповых идентичностей, связанных с идеологической сферой (политическими, правовыми, нравственными, эстетическими, религиозными, философскими идеями).

В археологизированных остатках материальной культуры могут проявиться любые формы самоидентификации: все вместе, и каждая в отдельности. Проблема состоит в том, что все они, как правило, представлены в неразделенном виде. Сложно провести однозначные соответствия между различными материальными проявлениями культуры и конкретными формами идентичностей. Более того, далеко не всегда можно определить, имеем ли мы дело с реализованной (осознанной) идентичностью, или же с потенциальной (неосознанной), являющейся плодом работы исследователя. Различия между материальными проявлениями культуры вызвали в свое время к жизни понятие «археологической культуры», в основе которого лежит отличие конкретного набора материальных остатков от других подобных наборов. Как и в отношении с другими формами идентичности, эта своеобразная археологическая «культурная идентичность» определяется, в первую очередь, своей несхожестью с другими культурами. Она проявляется, в целом, в форме организации и использования пространства в целях расселения и проживания, включая специфические категории и формы предметов, а также материальную реализацию тафологических представлений. Специфика конкретной культуры обычно определяется исследователями через наиболее ее яркую, вырванную из контекста черту, что часто проявляется в названии (культура колоколовидных кубков, катакомбная культура, культура полей погребальных урн и т.д.). В этом, видимо, выражается стремление к определенности, ясности исторической модели, построению жестких границ и схем, без которых трудно себе представить позитивное познание мира. Это, скорее всего, и является причиной того, что разные культуры были выделены в свое время на основании различных

принципов, и представляют собой явления разного порядка, что вызвало²⁵ и продолжает вызывать дискуссии методического плана. Очевидно, что разные виды археологических памятников в различной степени информативны в отношении различных форм групповых идентичностей. Социальные формы идентичности, к которым относятся и этническая, наилучшим образом отражены в погребальном обряде. Рассмотрим, какие формы идентичностей можно выявить на основе анализа элитных погребений, и правомерно ли это делать.

2. Элитные погребения и этническая идентичность

Погребения элиты представляют собой специфический вид археологических источников. Под элитой обычно понимаются индивиды и группы, занимающие ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности (политической, идеологической, хозяйственной, культурной и т.п.)²⁶. Элита разного происхождения играла наиболее активную роль в политической жизни общества, вне зависимости от конкретного общественного устройства. Представители знати, военачальники, «бигмены», вожди и цари племен заключали и расторгали военные союзы, в их функции входило получение и перераспределение прибавочного продукта, контроль над внешним обменом и торговлей, ремесленным производством и значимыми для хозяйства технологиями. Они являлись олицетворением своего народа во внутренней и внешней политике²⁷.

Принадлежность к социальной элите является, с одной стороны, фактором, объединяющим причисляемых к ней людей вне зависимости от их расовой, этнической, языковой, религиозной и пр. принадлежности, а, с другой стороны, противопоставляющим их социальным группам более низкого ранга, которые при других обстоятельствах могли рассматриваться с элитой как единое целое. Общественно-политический характер похорон представителя элиты позволяет предполагать, что эта идентичность относилась к разряду «реализованных», т.е. осознаваемых как самими представителями этой группы, так и другими слоями общества. В ходе похорон происходила демонстрация высокого социального положения не столько покойного, сколько его клана и ближайших родственников, а также позиции всего социума по отношению к соседним и даже весьма отдаленным общественным образованиям. Похороны знатного человека были и своего рода пропагандистской акцией его наследника. Когда некий князь хоронил умершего предшественника, богатыми погребальными при-

²⁵ Захарук Ю.Н. Спорное и бесспорное в изучении археологических культур // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. КСИА. 1990. № 201; Ковалевская В.Б. Археологическая культура – культурные традиции и инновации // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. КСИА. 1990. № 201.

²⁶ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 224.

²⁷ Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2001. С. 68–69, 90–108.

ношениями, пиром и раздачей даров он узаконивал в глазах окружающих свои претензии на власть²⁸.

Суммируя различные варианты археологического выделения элитных комплексов²⁹ и базируясь на основных составляющих погребального комплекса³⁰, можно выделить следующие черты, которые в различных сочетаниях служат основанием для определения захоронения как «элитного» на фоне остальных погребальных памятников той же археологической культуры:

1) необычное размещение, размер и обустройство погребального сооружения;

2) необычные манипуляции с телом погребенного (например, кремация вместо обычной ингумации; расчленение тела и пр.);

3) необычный погребальный инвентарь: а) особые категории предметов («инсигнии власти»; предметы из драгоценных металлов; художественные предметы; экстраутилитарные вещи; импорты); б) большое количество вещей в погребальном комплексе, в том числе относящихся к одной категории.

4) необычная дополнительная структура (памятник, алтарь и пр.).

Вопросы, связанные с этническими изменениями в обществе, миграциями и завоеваниями, невозможно решить исключительно на материале богатых комплексов. В погребениях элиты, как правило, проявляется много общих черт, особенно среди сопутствующего погребального инвентаря³¹. Это связано, прежде всего, с показательным характером похорон представителей элиты. Вопрос же выяснения этнического содержания памятников материальной культуры вообще чрезвычайно сложен, и должен решаться на базе всей совокупности источников. Поэтому отнесение к аланам всех богатых погребений определенного хронологического периода, даже если они появляются «внезапно и одновременно», не имеет смысла. Это может быть обусловлено другими причинами.

²⁸ *Egg M.* Sozialarchäologische Betrachtungen zu den Hallstattzeitlichen Fürstengräbern von Kleinklein. Eine Zwischenbilanz // Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2009. Bd. 82. S. 41.

²⁹ *Kossack G.* Prunkgräber. Bemerkungen zu Eigenschaften und Aussagewert // Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für J. Werner zum 65. Geburtstag. XXIV. München, 1974. S. 4–6; *Масон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976; *Антонова Е.В., Раевский Д.С.* «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 154–155; *Quast D.* Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültigen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgart, 1993.

³⁰ *Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997. С. 23–29.

³¹ *Kossack G.* Op. cit. S. 4.

Вопрос о том, почему в культуре появляются богатые погребения, решается обычно в одной из двух плоскостей: экономической³² и социальной³³. Е.В. Антонова и Д.С. Раевский подчеркивают также роль идеологического фактора в появлении в обществе социальной элиты³⁴. Однако все эти варианты интерпретации опираются на длительное эволюционное развитие общества и не учитывают динамичную модель внезапного появления и такого же внезапного исчезновения погребений с использованием ритуала и погребальных даров необычной пышности.

Такой динамике существует несколько вариантов объяснений. Некоторые исследователи считают, что появление в сложно структурированных обществах с верховной центральной властью погребений, отличающихся особым богатством, отражает кризисную ситуацию в обществе³⁵. С другой стороны, пышные погребения могли появиться в результате концентрации политической власти в руках одной группировки или отдельных лиц³⁶. Централизация власти происходила особенно интенсивно в тех обществах, где существовали контакты с культурами, более выдающимися в техническом и организационном отношении³⁷. Из таких «высоких» культур исходили не только экономические и социальные импульсы, но перенимались и новые военные стратегии, что могло приводить к очевидным расширениям центров сосредоточения власти³⁸. Также изменяли культуру высшего социального слоя торговля, престижный обмен и связанные с ними внешне-политические контакты.

Концентрация власти, привилегий и богатств в одних руках была рискованным предприятием и приводила к борьбе за власть, что сказывалось на нестабильности ситуации. Если не успевали создаваться особые институты, стабилизирующие положение, то кризис был неминуем. Таким образом, упадок элит был неразрывно связан с их взлетом³⁹.

Особое значение в этом плане приобретают вещи, положенные с покойным в могилу, которые можно разделить на «ординарные» (характерные для «стандартного» погребального комплекса данного некрополя или региона) и «экстраординарные» (инсигнии, экстраутилитарные предметы, импорты).

³² Гуляев В.И. Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. М., 1976. С. 226–227.

³³ Масон В.М. Указ. соч. С. 158–159.

³⁴ Антонова Е.В., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 158.

³⁵ Kossack G. Op. cit. S. 31–32; Schier W. Fürsten, Herren, Händler? Bemerkungen zu Wirtschaft und Gesellschaft der westlichen Hallstattkultur // Archäologische Forschungen in urgeschichtlichen Siedlungslandschaften. Festschrift für Georg Kossack zum 75 Geburtstag. Regensburg, 1998. S. 493–494; Huth Ch. Menschenbilder und Menschenbild. Anthropomorphe Bildwerke der frühen Eisenzeit. Reimer, 2003. S. 260–261.

³⁶ Egg M. Op. cit.

³⁷ Kossack G. Op. cit. S. 31–32.

³⁸ Egg M. Op. cit. S. 48.

³⁹ Ibid. S. 49.

Совпадение категорий предметов и элементов погребального обряда, отмеченное у нескольких элитных комплексов, указывает на определенную общность оставившего их населения. Напротив, несовпадения в каждом конкретном случае нужно интерпретировать отдельно, в зависимости от того, насколько часто они повторяются, и в каких элементах погребального комплекса они проявляются. Погребения со специфическими инсигниями, не встречающимися на других территориях, могут маркировать территорию определенной родоплеменной группы или этнического образования. Если же несовпадения касаются погребального «стандарта», то не исключено, что они вызваны различиями более общего порядка, например, хозяйственно-культурными.

Что касается импортных изделий, то в данном случае, очевидно, важно не то, какими путями попали те или иные изделия в культуру населения (варианты хорошо известны – дипломатический дар, престижный обмен, военная добыча, торговля), а сам факт их помещения (отчуждения) в погребальный комплекс. Этот выбор характеризует ментальность совершавшего обряд населения и, следовательно, является элементом его самоидентификации.

Возвращаясь к проблеме Ногайчинского кургана, отметим, что это не единственный позднеэллинистический комплекс. К тому же хронологическому горизонту относится еще целый ряд неграбленных элитных, в том числе женских погребальных комплексов, обнаруженных в степях Подонья, Прикубанья и Нижнего Поволжья: Майеровский-III 4-3Б (Заволжье), Алитуб к. 20 «Крестовый», Алитуб к. 26 (Нижний Дон), Песчаный к. 1 п. 10, Воронцовская к. 3 п. 1, Калининская к. 1 п. 16, Малаи «Овальный курган» п. 15, Новокубанская к. 5 п. 5 (Прикубанье). Они датируются от второй половины II в. до н.э. до рубежа эр. Эта группа неоднородна. Есть черты, которые их объединяют (обилие ювелирных украшений высокого класса, зеркала, драгоценные сосуды для питья), и по которым они отличаются (форма и конструкция погребальных сооружений; наличие/отсутствие животной пищи в могиле).

Локальное обособление Ногайчинского кургана от других памятников (поблизости не найдено ни одного погребального памятника сарматского времени) не позволяет надежно соотнести его с какой-то конкретной культурой. В то же время, отдельные специфические признаки погребального обряда (сосредоточение погребального инвентаря справа вдоль тела погребенной, руки в серебряных чашах) и предметы инвентаря (чернолощеный кувшин, зооморфные подвески, гривна, брошь, браслеты на ногах), указывают на близость его археологической культуре Прикубанья эллинистического периода. Отсутствие в комплексе римской импортной посуды, столь характерной для элитных погребений Нижнего Дона первых веков н.э., рассмотренных Б.А. Раевым (1986), является дополнительным аргументом в пользу его датировки предшествующим временем, около середины I в. до н.э.

Внезапное появление в археологических культурах Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Прикубанья I в. до н.э. особо богатых погребений могло быть связано с активизацией и централизацией обще-

ственной элиты под воздействием внешней политики Понтийского царя Митридата VI Евпатора, который привлечение на свою сторону северопричерноморских варваров рассматривал как одно из самых действенных средств в борьбе с Римом.

V.I. Mordvintseva

**GRAVES OF THE BARBARIAN ELITES
OF THE NORTH PONTIC REGION AT THE TURN
OF THE ERA AND THEIR CULTURAL IDENTITY**

The reason for the preparation of this paper was the new information about dating of the Nogaychik Barrow. It includes artefacts, which are particularly characteristic for the Late Hellenistic period. All this suggests a date not later than the 1st century BC. However, it seems to be very hard for some scholars to accept this date. The likely reason for this is that this complex was once closely connected with the interpretation model of the Sarmatian archaeological culture which was developed in 1980-s and 1990-s. According to this point of view (Raev 1986), the elite burial complexes appeared on the Lower Don suddenly, and not earlier than the mid-first century AD. In this view they should be associated with the nobility of one nomadic tribe, the Alans. In accordance with this concept, the Nogaychik Barrow has to be dated to the late first – early second century AD.

However, the Nogaychik Barrow does not have the features, which B. Raev pointed out as characteristic for the elite burials of the Don area in the late first and early second centuries AD. On the other hand, it is not the only elite burial complex of the North Pontic region, which dates to the Late Hellenistic period. Many rich burials complexes found on the steppes of the Lower Dnieper, Lower Don, Kuban and Lower Volga belong to the same chronological horizon.

The appearance of particularly rich burials in the archaeological cultures of the Lower Volga, the Lower Don and the Kuban in the first century BC could be connected with the increased activity and centralization of social elites, partly under the influence of the foreign policy of King Mithridates the VI Eupator of Pontus, who tried to attract the Barbarians of the North Pontic region allies in his fight against Rome.